

§ 4. Академия наук и краеведческое движение

Отличительной чертой российского краеведения первой трети XX столетия была тесная взаимосвязь с «большой наукой», с академическими учреждениями и учеными. Этот существенный фактор способствовал внесению в краеведческую работу научно-методических принципов и приданию ей подлинно научного характера. В краеведческом движении отразились лучшие качества отечественной интеллигенции: ее патриотизм и демократизм, стремление к просвещению широких народных масс, верность высоким нравственным идеалам.

В первые годы Советской власти краеведческое движение продолжало развиваться еще более высокими темпами, чем в до-революционный период, и стало неотъемлемой частью общественной, культурной и научной жизни страны. Именно краеведение многие представители российской интеллигенции считали важной формой проявления творческой инициативы и, в известной степени, свободы личности в условиях установленной «диктатуры пролетариата». Тысячи из них считали краеведческую работу одной из главных возможностей сотрудничества с Советской властью в деле революционного преобразования России.

Только резкое изменение политического курса, упрочение господства порочных принципов к концу 1920-х годов принесли этой части интеллигенции горькие разочарования и утрату веры в возможность плодотворного сотрудничества с Советской властью.

Период с 1917 по 1927 год называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения¹. В редакционной статье журнала «Известия Центрального бюро краеведения» «Краеведение за десять лет Советской власти» отмечалось: «Из всех общественных явлений в жизни СССР за десять лет, истекающих со дня Октябрьской революции, рост краеведения является наиболее показательным». В доказательство этого положения редакцией приводились следующие количественные данные²:

	Общества и кружки	Музеи	Всего
До революции	61	94	155
На 01.03.1923	231	285	516
На 01.01.1924	297	446	743
На 01.09.1927	1112	576	1688

Таким образом, масштабы краеведческого движения за 10 лет революции выросли в 10 раз. В эти же годы получили дальнейшее развитие и укрепление связи Академии наук с движением краеведов, возрос уровень влияния Академии на деятельность краеведческих организаций, четко обозначилась ее координирующая роль в этом общественном движении.

Напомним, что руководящий орган российских краеведов — Центральное бюро краеведения (ЦБК) — был создан в начале 1922 года и до 1925 функционировал при Российской Академии наук, а позднее был переведен в непосредственное ведение Главнауки Наркомпроса. Причем председателем ЦБК с 1922 по 1927 год являлся непреременный секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург. Большой вклад в развитие отечественного краеведения в двадцатые годы внесли академики М. М. Богословский, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, А. Е. Ферсман, члены-корреспонденты АН М. М. Покровский, А. Н. Самойлович, Ю. М. Шокальский, известные ученые Н. П. Анциферов, Б. Б. Веселовский, И. М. Гревс, В. И. Равдоникас, Д. О. Святский и др.

Центральным бюро краеведения издавались свои журналы: «Краеведение» (1923–1929 гг.), «Известия Центрального бюро краеведения» (1925–1929 гг.) и «Советское краеведение» (1930–1936 гг.). Издания старались отразить организационно-методические вопросы движения, обобщали и пропагандировали передовой опыт деятельности краеведческих организаций, выполняли функции информативного характера. Считаю важным заметить, что главными редакторами журналов «Краеведение» и «Известия ЦБК» ряд лет работали академики С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр.

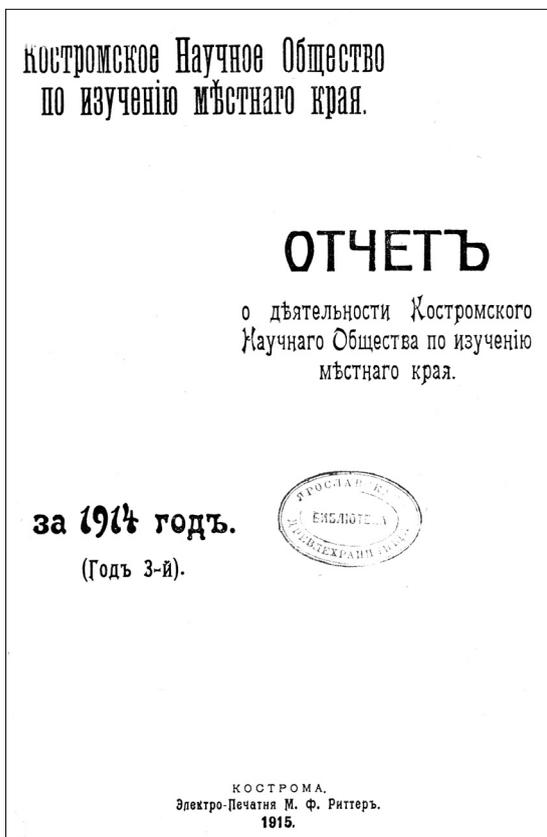
В дореволюционные годы краеведческое движение в России не имело своего какого-либо координирующего и научно-методического центра. В провинции активную работу вели Ученые архивные комиссии. Они по своей идеологии, задачам и составу были близки к дворянским сословно-представительным организациям, богатому купечеству и старшему духовенству. На рубеже веков на местах стали возникать разного рода научные общества, особенно интенсивно они начали создаваться после первой российской революции. Данные общества объединяли более демократичные слои населения, их основу составляли представители местной интеллигенции. Деятельность подобных краеведческих

организаций была во многом возможна благодаря финансовой поддержке и помощи со стороны местных земств и органов городского самоуправления.

Все эти структуры местного самоуправления и самодеятельности были уничтожены Октябрьской революцией. Образовался некий «вакуум», в котором местные энтузиасты-краеведы обращались за поддержкой и советом к традиционному центру российской культуры и науки — Петроградской Академии наук. Заметим, что распоряжением Временного правительства от 11 июля 1917 года было постановлено «бывшую Императорскую Академию наук впредь именовать Российской Академией наук»³.

Итак, краеведческие организации в условиях сложной исторической обстановки искали помощи у Академии наук. Приведем характерный пример. Костромское научное общество по изучению местного края в своем отношении от 11 апреля 1918 года сообщало о том, что, в соответствии с «Обязательным постановлением Комиссариата земледелия Московской области», требовалось немедленно вывезти в Москву большие комплексы архивных документов, связанных с владением землей и недвижимостью (планы, купчие, дарственные и т. п.). В письме общества резонно указывалось, что все эти документы имеют важное практическое и научное значение для Костромского края, и было бы целесообразнее хранить их в Костроме. Причем костромские архивисты изъявляли готовность передать все необходимые материалы в местные земельные органы. Данное отношение рассматривалось на заседании Отделения исторических наук и филологии РАН под председательством президента А. П. Карпинского, и было решено «просить Совет народных комиссаров об оставлении документов в Костроме»⁴.

На наш взгляд, было вполне заслуженным приветствие, полученное Академией наук в июне 1920 года от I съезда краеведов трех губерний — Тверской, Череповецкой и Ярославской. В этом документе указывалось, что Академия, являясь научным центром России, несмотря на тяжелые исторические условия, «ведет восхищающую своей разносторонностью, многообразием и интенсивностью научную деятельность, и это вселяет бодрость и веру, что под руководством подобного центра научная жизнь России быстро возродится»⁵.

Титульный лист одного из изданий «Костромского научного общества по изучению местного края». 1915 год

Идея возможности координации Академией краеведческого движения более конкретно была сформулирована в другом документе, который обсуждался на Общем собрании Академии в октябре 1920 года. Это было обращение Съезда естественно-исторических обществ ряда среднерусских городов (Вологда, Переславль-Залесский, Шуя и др.), в котором выражалась надежда, что «Академия наук возьмет под свое руководство работы по исследованию родной природы»⁶.

В августе 1921 года на одном из заседаний коллегии Академического центра Наркомпроса был создан Организационный комитет Всероссийских научных обществ и учреждений по изучению местного края и решено начать работу по организации и проведению I Всероссийской конференции краеведов. Председателем оргкомитета был назначен заведующий Управлением научных учреждений Академического центра Иван Иванович Гливенко⁷.

Академия наук приняла активное участие в этой деятельности. Решением Общего собрания от 9 ноября 1921 года представителем Академии на конференцию был избран неперменный секретарь С. Ф. Ольденбург⁸. От имени Академического центра Наркомпроса в местные краеведческие организации было разослано специальное обращение с предложением принять участие в I Всероссийской конференции краеведов, которую решено было созвать в середине декабря 1921 года в Москве. В обращении, в частности, указывалось, что с 1918 года в российской провинции был создан целый ряд научных обществ, что «русская революция, пробудившая дремавшие народные творческие силы, проявилась также и в сильном развитии научной и научно-организационной деятельности»⁹. Кроме того, на места были разосланы программа конференции, анкеты для участников и приглашения, где указывалось, что заседания пройдут в Отделе съездов Наркомпроса (Малый Харитоньевский пер., 4), что «помещением и довольствием на время конференции, а также обратным проездом делегаты будут удовлетворены».

Конференция состоялась с 12 по 20 декабря 1921 года, на ней было принято решение о создании Ассоциации научных учреждений, обществ и отдельных ученых Республики, возглавлять которую должна была Российская Академия наук. Следует подчеркнуть, что на период до создания упомянутой ассоциации в январе 1922 года было учреждено Центральное бюро краеведения при Российской Академии наук. Опережая ход событий, отметим, что ассоциация так и не была создана и ЦБК при РАН функционировало до января 1925 года.

С докладом на конференции выступил нарком просвещения А. В. Луначарский. Он, в частности, сказал: «Наша гигантская, необъятная страна была плохо изучена и еще теперь мало известна ее подлинному хозяину, трудовому народу. Нужно эту работу

поставить как можно тщательнее во всех областях»¹⁰. Для историка важно, что во главу угла при организации общероссийского краеведческого центра наркомом тогда ставились идеи демократичности, добровольности и свободы научного творчества краеведов: «Со всех этих точек зрения ясно, что нужно призвать общественные силы, потому что никаким бюрократическим путем этого сделать нельзя»¹¹.

На конференции ряд представителей местных организаций ставил вопросы о многочисленных фактах уничтожения памятников истории и культуры, и именно с созданием Всероссийского центра краеведческого движения они связывали свои надежды на улучшение положения с охраной памятников. Так, доклады делегатов ряда сибирских городов «нарисовали ужасную картину разгрома многих отделений Географического общества, конфискации музеев и библиотек и передачи их в руки людей, совершенно не понимающих того, что им передали»¹².

В первый состав ЦБК, избранный в январе 1922 года, вошло 29 человек, среди них ученые С. Ф. Платонов, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Ю. М. Шокальский и др. Причем структурно ЦБК разделялось на два отделения: Петроградское и Московское¹³.

14 января 1922 года Общее собрание Академии, заслушав доклад академика А. Е. Ферсмана о I Всероссийской конференции краеведов, решило: «Признать желательным единение работы Академии наук с краеведческими организациями»¹⁴.

16 февраля 1922 года состоялась 1-я сессия ЦБК, на которой был избран президиум бюро. В него вошли: почетный председатель — Д. Н. Анучин, председатель — С. Ф. Ольденбург, заместитель председателя — В. В. Богданов (он же стал руководителем Московского отделения ЦБК), товарищи председателя — А. Е. Ферсман, Ю. М. Шокальский, А. П. Павлов, Т. П. Кравец¹⁵. В последующие годы и состав ЦБК, и состав президиума неоднократно изменялись.

С осени 1922 года по смете Академии наук было предусмотрено финансирование и штатов ЦБК в количестве двух единиц — ученого секретаря и научного сотрудника¹⁶. В должности ученого секретаря ЦБК Общим собранием был утвержден Д. О. Святский. С этого же времени Академия начала финансировать и всю основную деятельность ЦБК. Так, в декабре 1922 года были выделены

35 тыс. руб. для приобретения части тиража «Сборника программ школьных наблюдений за природой», все книги были затем бесплатно разосланы в местные краеведческие организации¹⁷. В это же время ЦБК были выданы 200 тыс. руб. (в денежных знаках 1922 года) на расходы, связанные с печатанием первого номера журнала «Краеведение»¹⁸.

Этот номер удалось выпустить в свет только в мае 1923 года. В редакционной статье журнала указывалось, что ЦБК при РАН впервые предоставлено право широко и планомерно координировать краеведческую работу в России¹⁹. Была помещена и программная статья председателя ЦБК С. Ф. Ольденбурга, в которой отмечалось, что «краеведческая работа, как всякая другая исследовательская работа, зависит, несомненно, прежде всего от научного творчества... и она явится совершенно новым воспитательно-образовательным средством для всех ее участников»²⁰.

«Положение о Центральном бюро краеведения при Российской Академии наук» было утверждено на 4-й сессии ЦБК, проходившей 27–30 марта 1923 года. В § 1 «Положения» говорилось: «В целях установления учета совершающейся на местах краеведческой работы, ее общего направления и координации, а также содействия обществам, кружкам, музеям, архивам, библиотекам и другим организациям краеведения и отдельным лицам в их научной работе и представительстве интересов краеведения перед высшими государственными и другими учреждениями при Российской Академии наук состоит Центральное бюро краеведения»²¹. Таким образом, центральный координирующий орган — ЦБК, созданное при РАН, должно было, по замыслу его организаторов, способствовать прежде всего решению двух основных проблем — просвещению широких масс и развитию научной, творческой деятельности на местах. Опережая ход нашего повествования, отметим, что эти главные установки со временем претерпели существенные изменения.

Необходимо сказать несколько слов о той правовой базе, на основе которой могли создаваться и функционировать краеведческие организации в России. После окончания Гражданской войны Советским правительством был издан ряд декретов, регламентирующих деятельность любых общественных организаций на территории РСФСР, определявших порядок их создания. Так, 3 августа 1922 года было издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР

«О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними»²²; через несколько дней были опубликованы и отдельные инструкции в развитие этого декрета²³. На основании данного правового акта ни одно общество, кроме профсоюзов, не могло «открывать своих действий без регистрации в НКВД или его местных органах», не зарегистрировавшиеся в двухнедельный срок после опубликования этого постановления общества и союзы объявлялись закрытыми.

Однако уже через год многочисленные краеведческие общества и организации должны были регистрироваться и организовывать свою деятельность в соответствии с циркуляром НКВД № 158 от 30 мая 1923 года «О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих цели извлечения прибылей». Согласно этому циркуляру, все эти общества должны были регистрироваться в местных органах Советской власти, а точнее, в Административных отделах исполкомов (в данном случае жим «стального обруча» диктатуры пролетариата формально был ослаблен). Несколько позднее на основании упомянутого циркуляра тремя ведомствами (Наркоматами юстиции, внутренних дел и просвещения) был разработан и утвержден «Нормальный устав научных литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса»²⁴.

Устав давал краеведческим организациям достаточные для нормального функционирования права. Коротко перечислим некоторые из них:

— «устраивать публичные чтения, диспуты, исполнительные собрания»;

— «устраивать лаборатории, обсерватории, опытные станции, наблюдательные пункты, музеи, постоянные и периодические выставки»;

— «печатать свои труды»;

— «открывать филиальные отделения».

Правда, следует сразу оговориться, что было одно важнейшее обстоятельство, которое не давало возможности полностью реализовать упомянутые права, — это острый недостаток материальных средств, в том числе и финансовых ассигнований. Поэтому

часто работа велась на общественных началах, на энтузиазме местной интеллигенции, ее патриотизме и преданности своему делу.

Одним из главных направлений деятельности краеведов являлись их усилия, нацеленные на сохранение памятников истории и культуры. Поэтому следует вкратце охарактеризовать ту правовую базу, на которую могли опираться они в своей работе по сохранению культурного наследия. Назовем наиболее важные правительственные акты в этом плане. Прежде всего, это декрет СНК РСФСР от 5 октября 1918 года «Об учете, регистрации и охране памятников искусства и старины»²⁵. Позднее был принят декрет СНК РСФСР от 16 сентября 1921 года «Об охране памятников природы»²⁶. И наконец, в развитие упомянутых нормативных актов ВЦИК и СНК СССР 7 января 1924 года издали декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». В частности, данным декретом предписывалось всем республиканским ЦИК, областным и губернским исполкомам Советов ремонт, реставрацию, переделку, слом и использование всех памятников, зарегистрированных Отделом по делам музеев Главнауки Наркомпроса, проводить только с разрешения этого отдела²⁷.

В феврале 1924 года ЦБК представил руководству Академии отчет о своей деятельности за период, истекший с момента его организации (с января 1922 года). За это время было проведено 82 заседания, вышло в свет два номера журнала «Краеведение», подготовлены и опубликованы два сборника статей: «Вопросы краеведения» и «Краеведение в России». Кроме того, к моменту представления отчета были подготовлены к печати следующие научные труды: журнал «Краеведение» № 3, сборник «Краеведение и школа» и «Методическое руководство для изучения местного края»²⁸. За этот же период времени сотрудники ЦБК неоднократно выезжали в командировки для оказания практической помощи местным организациям. Как видим, результаты научно-организационной и научно-методической работы ЦБК, со штатным составом в два человека, были значительны и полезны.

После окончания Гражданской войны, с наступлением мирного времени, краеведческое движение в стране набирало силу и размах. ЦБК к марту 1923 года располагало сведениями о том, что в России (кроме городов Москвы и Петрограда) было зарегистрировано 231 краеведческое общество, имелось 285 местных музеев,

21 биологическая станция, 16 заповедников²⁹. После образования Союза ССР ЦБК прилагало усилия по оказанию научно-методической помощи краеведам союзных республик. Соответственно функции ЦБК при Академии усложнились.

Приведем некоторые данные из отчета, представленного ЦБК руководству Академии о деятельности за май–июль 1924 года. Для оказания помощи краеведческим организациям члены бюро выезжали в следующие командировки: Д. О. Святский — в Воронеж, Курск, Дмитров (Курской губ.), Паршин — в Севск, И. М. Гревс — в Полтаву, А. А. Спицын — в Ям-Тесово (Новгородской губ.); Д. А. Золотарев и А. П. Ильинский участвовали вместе с Севзапкино в киносьемках в ряде волжских городов с целью подготовки фильма³⁰.

Следует сказать, что в подобные командировки выезжали не только сотрудники ЦБК, но и другие ученые и специалисты Академии наук. Так, в сентябре 1924 года на краеведческий съезд в Абхазию был командирован сотрудник Азиатского музея А. Н. Генко³¹, а для участия в работе 1-го съезда деятелей по краеведению Азербайджана в Баку был направлен профессор А. Н. Самойлович³². В марте 1926 года на конференцию по изучению производительных сил Дальнего Востока в Хабаровск выезжал заведующий Промышленно-географическим отделом КЕПС профессор А. А. Григорьев³³. В связи с проведением в конце 1926 года Вятско-Ветлужской конференции по изучению производительных сил края непреходящий секретарь С. Ф. Ольденбург обратился с просьбой к академику Н. Я. Марру принять в ней участие, при этом указывалось, «насколько было бы важно и желательно для дела Ваше согласие представить Академию наук на конференции в Вятке»³⁴.

В конце 1924 г. Главнаукой Наркомпроса было принято решение изменить ведомственную принадлежность ЦБК и передать его в непосредственное ведение самой Главнауки. Это организационное изменение было, на наш взгляд, вызвано тем, что у руководства Наркомпроса в определенной степени изменились оценки краеведческого движения, понимание его целей и задач.

У нас есть основания полагать, что политическая установка к подобной эволюции отношения к общественным организациям была дана еще в мае 1924 года XIII съездом РКП(б). На съезде обсуждался вопрос о роли и месте общественных организаций в Советском государстве. Был отмечен «рост политической

активности трудящихся» и принято решение о том, что деятельность общественных организаций должна быть тесно связана с работой соответствующих государственных органов, «чтобы улучшить и больше связать с рабочими массами работу государственных органов»³⁵.

Полагаем, что подобное решение партийного съезда являлось стремлением правящей партии взять под строгий контроль любые проявления творческой инициативы масс.

Сами по себе организационные изменения по руководству краеведческим движением происходили в несколько этапов. Идея «осчастливить» краеведение своим руководством, видимо, достаточно долгий период времени вынашивалась у ответственных работников Главнауки.

Так, в докладе Главнауки об итогах проверки деятельности научных учреждений Петрограда в январе 1924 года отводилось место и ЦБК. Причем указывалось, что Главнауке необходимо, «ввиду важности этого учреждения в политическом и культурно-просветительном отношении, взять его в свое непосредственное ведение... Центр по краеведению должен быть один и в Москве»³⁶. Позднее при Научном отделе Главнауки было создано Постоянное совещание по вопросам краеведения. Первое заседание этого совещания состоялось 20 мая 1924 года под председательством В. Т. Тер-Оганесова³⁷. На заседание был приглашен и С. Ф. Ольденбург, который от имени ЦБК приветствовал совещание как «проявление намерения Главнауки прийти на помощь краеведческим учреждениям в их нуждах». Заметим, что на данном заседании было решено «признать развитие деятельности ЦБК правильным»³⁸.

Однако прошло всего несколько месяцев, и на очередном заседании совещания, проходившем 21 августа 1924 года под председательством Ф. Н. Петрова, было принято принципиально новое решение: «Допуская организационную связь ЦБК с Академией в отношении научном и методическом, признать необходимым обеспечить за Главнаукою общее административное и политическое руководство краеведною сетью через ЦБК и непосредственно»³⁹. Симптоматичным стал и тот факт, что на этом же заседании был утвержден циркуляр, который следовало направить во все краеведческие организации с запросом о планах их работы.

Не было случайным и то, что в резолюции II Всесоюзной конференции краеведов, состоявшейся в декабре 1924 года, подчеркивалась необходимость «тесной связи краеведения не только с научными учреждениями Республики, но и с хозяйственным, просветительным и партийным строительством»⁴⁰.

Историку понятно стремление правительственных органов к восстановлению народного хозяйства, сильно пострадавшего за годы войн — мировой и гражданской — и деформированного в ходе реализации политики военного коммунизма. Государственным органам приходилось искать резервы, источники для восстановления экономики и социально-культурной сферы, тем более что больших затрат требовали и возрастающая милитаризация страны, и попытки экспорта революции. Видимо, поэтому в органах власти расценивали размах и энтузиазм краеведческого движения как некий резерв созидательной, государственной деятельности и хотели направить это движение в определенное, желаемое русло. (Напомним, что в самом начале, на I Всероссийской конференции краеведов, было решено организационно оформить краеведческое движение в Ассоциацию научных учреждений и обществ. Таким образом, идея эта за три года претерпела существенные изменения).

В начале 1925 года ЦБК было переведено из главного здания Академии (Университетская наб., 5) в Мраморный дворец, где располагалось в то время Ленинградское отделение Главнауки. Всем краеведческим организациям было разослано информационное письмо ЦБК, в котором указывалось: «Местопребывание ЦБК переносится по постановлению 2-й конференции краеведения... Открытые заседания ЦБК будут проходить еженедельно по субботам в 11 ч. утра... Распорядительные заседания назначаются по особым повесткам, рассылаемым членам ЦБК»⁴¹. Любопытно, что всем корреспондентам сообщался прежний почтовый адрес ЦБК: «Ленинград, Российская Академия наук». Думается, это делалось с одной целью — дать возможность активу на местах направлять свою корреспонденцию ЦБК бесплатно. Именно Академии специальным постановлением СНК от 26 декабря 1922 года было дано право вести бесплатно всю свою научную переписку («пробить» данное постановление удалось благодаря энергичной деятельности вице-президента В. А. Стеклова).

Журнал «Краеведение» с четвертого номера за 1924 год также начал издаваться от имени Главнауки. Кроме того, по решению

II Всесоюзной конференции краеведов Главнаукой начал издаваться еще один журнал — «Известия Центрального бюро краеведения». В отличие от журнала «Краеведение», на который возлагалось решение задач научно-методического характера, новый журнал должен был быть оперативно-информационным изданием.

Следует сказать, что и после придания ЦБК статуса самостоятельного учреждения, еще несколько лет его связи с Академией наук не ослабевали, сохранялись действенное влияние и активное участие Академии в деятельности этого руководящего краеведческим движением органа. Непременный секретарь С. Ф. Ольденбург до 1927 года являлся председателем ЦБК. В декабре 1927 года на III Всероссийской конференции по краеведению был избран уже новый состав ЦБК, который, в свою очередь, на сессии избрал новый президиум, председателем которого стал П. Г. Смидович. Однако заместителем председателя был избран академик Н. Я. Марр, а академик А. Е. Ферсман вошел в число четырех товарищей председателя. Сам С. Ф. Ольденбург остался в руководстве ЦБК в качестве члена президиума.

В то же время он вместе с академиком Н. Я. Марром еще несколько лет продолжал редактировать оба периодических краеведческих издания. В этой деятельности можно отметить следующие основные периоды:

— редактирование журнала «Краеведение» — С. Ф. Ольденбург в 1924–1925 гг.; в 1926–1928 гг. журнал имел двух редакторов — С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра;

— редактирование «Известий ЦБК» — С. Ф. Ольденбург в 1925 г.; Н. Я. Марр — в 1926–1927 гг.; с середины 1927 г. до начала 1928 г. вновь редактором был С. Ф. Ольденбург.

С января 1928 г. «Известия ЦБК» стала готовить к печати редколлегия в составе девяти человек. В ее первоначальный состав вошли академики Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман. Но уже в марте 1928 года все трое были из редколлегии выведены, что, на наш взгляд, явилось одним из многих признаков начавшегося резкого изменения внутрисполитического курса правящей политической партии.

Отметим, что целый ряд ведущих специалистов академических учреждений активно сотрудничали с периодическими изданиями ЦБК, причем их статьи часто имели серьезное научно-методическое значение для краеведов. В этом плане следует вспомнить публикации А. С. Берга, Л. Я. Штернберга, А. А. Бялыницкого-Бирули,

Д. А. Руднева и др. В передовой статье сентябрьского номера «Известий ЦБК» за 1925 год говорилось, что работы академических ученых, академические издания «представляют собою неистощимый источник, откуда черпали, черпают и будут черпать знания краеведы»⁴². Далее отмечалось, что именно Академия наук «в тяжелую годину приняла начавшееся краеведческое движение под свое авторитетное покровительство». Для нас важным является утверждение о том, что ЦБК, став самостоятельным учреждением, «не порвало с Академией непосредственной связи»⁴³.

ЦБК, как и подавляющее большинство других учреждений науки и культуры, с момента своего создания испытывало острую нехватку финансовых средств. В июле 1923 года Петроградским отделением ЦБК было отправлено очередное послание в Главнауку «о чрезвычайно затруднительном положении». В письме указывалось, что отделение на апрель–июнь 1923 года получило от центра всего 500 руб. вместо обещанных 5 тыс. руб.⁴⁴ Причем за эти месяцы были организованы командировки специалистов для оказания помощи краеведческим организациям Рыбинска, Вятки, Старой Руссы и Псковской губернии. Эта деятельность строилась на энтузиазме организаторов краеведческого движения, так как «расходы по этим командировкам произведены за счет жалования ученого секретаря» (т. е. Д. О. Святского)⁴⁵.

Шли годы мирного развития страны, а улучшения положения не наблюдалось. Весьма характерным в этом ракурсе является письмо С. Ф. Ольденбурга от 23 апреля 1925 года к заведующему Научным отделом Главнауки А. П. Пинкевичу. Автор письма приводил один за другим примеры, рисующие убедительную картину бедственного положения возглавляемого им учреждения. Итак, вместо обещанной 1 тыс руб. ежемесячных ассигнований ЦБК получало «без всяких объяснений по 100 руб... мы буквально бьемся, как рыба об лед, считая каждый лишний экземпляр книги, чуть не каждую пачку стальных перьев... мы не можем напечатать “застрававший” с ноября номер “Краеведения”»⁴⁶. Сергей Федорович продолжал: «В частности, я уже несколько месяцев сплю по 4 часа в сутки, перегруженный работой по Академии, и тем не менее ЦБК я уделяю больше времени, чем раньше»⁴⁷.

При активном участии Академии наук и поддержке с ее стороны в конце 1925 года был издан справочник «Краеведческие

учреждения СССР», содержащий сведения по состоянию на 1 июля 1925 года. Всего по стране было учтено 1 303 краеведческих организации: общества, музеи, институты. Кроме того, отмечалось, что 130 центральных научных учреждений в той или иной степени по роду своей деятельности имели отношение к краеведческому движению⁴⁸. Из общего числа учтенных организации 493 находились в губернских и областных городах, 519 — в уездных городах и поселках, 288 — в сельской местности⁴⁹.

Полагаем, что приведенные цифровые данные свидетельствовали о стремлении самых широких масс к культуре, к знаниям, к творческой деятельности, подобные размах и подъем являлись в большой степени следствием революции и были характерны для 1920-х годов.

Для нас представляет интерес, каким образом в то время формулировали главные цели и задачи, стоявшие перед краеведением в России, его теоретики. В конце 1924 года Иван Михайлович Гревс писал: «Краеведение — один из самых действенных органов развития просвещения в широких массах, это дело вызывает интерес, труд и вдохновение, оно поднимает и организует силы. Это совсем естественно и очень отрадно в стране, переживающей жестокий кризис»⁵⁰.

Очень интересная статья Николая Яковлевича Марра была опубликована в журнале «Научный работник» №1 за 1925 год. Позволим себе тезисно отметить несколько положений из этой публикации⁵¹:

- краеведение — не только научный метод, это и особое общественное мышление;
- для научных работников Центра краеведение есть источник новых данных для обоснования научных положений;
- краеведение — дело, требующее слишком бережного и осторожного обращения;
- не мешать натуральному росту великого краеведческого дела, не губить никакими отжившими или недоношенными, ново-рожденными организационными формами.

Приведем некоторые факты из истории краеведческого движения тех лет. Так, в начале 1920-х годов заметно активизировалась деятельность краеведов в Костромской губернии. Костромскому научному обществу по изучению местного края (основано в 1912 году)

удалось создать 7 своих уездных отделений, в 1921–1922 годах были созданы 11 небольших краеведческих музеев в уездных и заштатных городах края, актив общества составляли более 400 человек⁵². В мае 1927 года отмечался 15-летний юбилей Костромского общества. Его бессменный руководитель, член первого состава ЦБК при РАН Василий Иванович Смирнов в своем докладе на юбилейном заседании общества говорил: «Мы, отравленные краеведением, знаем, что в то время как миры, цивилизации, культуры будут рождаться, расти и исчезать, истина будет жить, и науке краеведение будет нужно, как инструмент при работе, как надежная связь с массой. И мы надеемся, что мысль наша останется и будет пытливей, все выпуклее и отчетливее будет осуществляться в жизни наш краеведческий лозунг: “Вместе за мировую науку в рамках местного края”»⁵³. Отметим, что В. И. Смирнов накануне юбилея отправил С. Ф. Ольденбургу приглашение приехать в Кострому и выступить с докладом по теме «Проблема изучения духовного творчества человека», так как главную тематику юбилейной конференции предполагалось «построить в разрезе изучения человека края»⁵⁴.

Краеведческая работа велась во всех, даже самых отдаленных уголках страны, даже там, где, казалось бы, организовать ее было просто невозможно. Во время 2-го областного краеведческого съезда в Архангельске, проходившего в июне 1925 года, большой интерес у участников вызвал доклад представителя Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения А. Глаголева, «который познакомил съезд с условиями работы отделения, состоявшего из вольных и невольных жителей Соловецких островов, показал возможность энергичной работы людей даже в таких совершенно исключительных условиях»⁵⁵. Местные краеведы активно участвовали в издании журнала «Соловецкие острова» и газеты «Новые Соловки» (правда, являвшиеся печатными органами Управления Соловецкими лагерями особого назначения ОГПУ). Журнал и газета печатались в собственной типографии, и в них «принимали участие лучшие литературные силы Соловецких островов»⁵⁶.

На одном из заседаний ЦБК в апреле 1926 года обсуждался доклад П. А. Петряева о деятельности соловецких краеведов. В докладе отмечалось, что работа главным образом ведется политическими ссыльными, а актив общества составляют 150 человек. Энтузиастами-краеведами были созданы Биологический сад

и станция, питомник черно-бурых лисиц, в трех церквях были открыты музейные экспозиции, активно велись геологическое изучение территории и гидрологические исследования озер, прилагались усилия по охране древних скитов и т. д.⁵⁷

Благодаря неустанной «заботе» тоталитарного режима, на Соловках к середине 20-х годов уже удалось сконцентрировать и «лучшие литературные силы», а мы можем констатировать, что этот режим мог отнять у многих представителей интеллигенции свободу, имущество, жизнь, но не мог полностью уничтожить стремление и волю к творчеству, к созидательной деятельности.

Еще одним ярким примером являлась краеведческая деятельность будущего члена-корреспондента Академии наук Владислава Иосифовича Равдоникаса. В тяжелых условиях Гражданской войны, разрухи и голода, он в 1919 году, будучи председателем Комиссии по изучению Тихвинского края, организовывал спасение усадебных архивов и библиотек, вывозил в местный музей, спасая от гибели, ценные памятники истории и культуры из закрываемых монастырей и церквей⁵⁸. Позднее в качестве члена Череповецкого губернского бюро краеведения В. И. Равдоникас неоднократно выезжал в командировки в уезды Кирилловский, Белозерский, Устюженский «для научных исследований, налаживания краеведческой работы, а также для выявления на местах находящегося в наличии музейного и архивного имущества, для взятия такового на учет и экспертизы»⁵⁹. Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург в ноябре 1921 года направил В. И. Равдоникасу письмо, в котором от имени Президиума выразил ему признательность за весьма полезное содействие академической Археографической комиссии, за передачу библиотеке АН ценных рукописей и книг XVIII века, спасенных в ликвидированных монастырях. В письме указывалось, что плодотворная деятельность краеведа служит не только «интересам местной истории, но и истории России и материальной культуры вообще»⁶⁰.

Академию наук считали авторитетным центром и российские краеведы, волею судьбы оказавшиеся за пределами СССР. Так, в мае 1925 года Академией было получено информационное письмо из далекого Харбина, где в эмигрантской среде было создано Общество изучения Маньчжурского края. Общество выпускало свои «Известия», «Бюллетени», научные труды⁶¹. Маньчжурские

краеведы иногда присылали в Академию наук свои труды на рецензирование. Например, на одном из заседаний Отделения исторических наук и филологии в феврале 1925 года обсуждался отзыв академика В. В. Бартольда о статье А. М. Баранова «Историческая справка о вале, именуемом валом Чингис-Хана», присланной из Харбина⁶².

К середине 20-х годов у руководства Наркомпроса еще не сложилась однозначная позиция в формулировании главных задач краеведческого движения, в определении его места в общественной жизни страны. Мы уже говорили о том, что в конце 1921 года это движение получило свое организационное оформление под эгидой Академии наук, и главное место в его деятельности должны были занимать задачи научные и просветительские. Однако по мере развития процесса послевоенного восстановления народного хозяйства, усиления принципов всемерной централизации в руководстве страной, на местах краеведческим исследованиям начали придавать все чаще научно-прикладной характер, подчинять их изучению и решению конкретных вопросов хозяйственного строительства.

Руководство ЦБК последовательно отстаивало свою точку зрения по данной проблеме, пока это было возможно в создавшихся исторических условиях. Этот вопрос со всей остротой ставился С. Ф. Ольденбургом в одном из писем, направленных в феврале 1925 года заведующему Научным отделом Главнауки А. П. Пинкевичу. Сергей Федорович взволнованно обращался к своему адресату: «Может, Главнаука хочет, чтобы в ЦБК пришли новые люди? Мы охотно передадим дело. Но если Главнаука и новых людей не поддержит — то краеведение уйдет в исполкомы, ЭКОСО (Экономические совещания) и в профессиональные организации»⁶³. У нас есть основания полагать, что в «кулуарах власти» уже накануне III Всероссийской конференции по краеведению (декабрь 1927 года) был решен вопрос о принципиальных изменениях в руководстве ЦБК. С. Ф. Ольденбург не приехал на эту конференцию, и первые два доклада на ней делали руководящие работники Наркомпроса — А. П. Пинкевич и Н. К. Крупская.

Но председатель ЦБК посчитал необходимым направить в адрес III конференции свое специальное обращение, в котором продолжал отстаивать свою принципиальную позицию: «Совершенно необходимо, чтобы на Третьей конференции было сказано авторитетно

и решительно, что краеведение есть массовое научно-культурное движение, надо стремиться к тому, чтобы научное миропонимание распространилось в самых широких массах»⁶⁴. На самой конференции, которая стала переломным моментом в истории отечественного краеведения, по главным организационным вопросам шла бурная дискуссия. Один из участников конференции, Н. Ф. Преображенский, позднее вспоминал о том, что по организационным вопросам «велась отчаянная борьба», что «резолуция о путях и задачах краеведения согласовывалась и уточнялась почти трое суток»⁶⁵. Победила точка зрения тех, у кого в руках были сосредоточены «командные высоты».

Позднее, в 1928 году, С. Ф. Ольденбург несколько изменил свою точку зрения. Он указывал, что «краеведческое движение с самого начала имело два течения — одно, которое стояло за так называемую чистую науку, другое склонялось к науке прикладной, они не боролись между собой, а дополняли друг друга»⁶⁶. Выступление это прозвучало на одной из сессий ЦБК, проходившей под председательством нового его руководителя П. Г. Смидовича. Видимо, этим и было обусловлено то, что данный вопрос был подан Сергеем Федоровичем без прежней остроты.

Руководители краеведческого движения неоднозначно оценивали факт выхода ЦБК из системы Академии наук. Так, член ЦБК профессор Д. А. Золотарев, выступая на VI сессии ЦБК в январе 1926 года, отмечал, что переход руководства краеведческим движением непосредственно к Главнауке нанес ущерб самому движению. Это проявилось и в снижении уровня научной работы, и в утрате авторитета за пределами РСФСР. Д. А. Золотарев считал, что Академия наук СССР в то время имела больший всесоюзный авторитет, чем республиканский Главк. Докладчик, в частности, предлагал: «Надо восстановить всесоюзность ЦБК, вновь присоединив его к Академии наук»⁶⁷.

Неудовлетворенность работой Главнауки Наркомпроса по руководству краеведческим движением неоднократно высказывал и академик Н. Я. Марр, также являвшийся одним из руководителей ЦБК. В своем письме, направленном в сентябре 1926 года председателю Совнаркома А. И. Рыкову, он, в частности, писал: «Наркомпрос не понял всей сущности этого движения и поэтому пытается строить здесь что-то без ориентировки на прошлое, без перспектив на будущее». Ученый отмечал, что «вместо того, чтобы

углубить работу существующих организаций, затрачиваются большие усилия на создание новых, при этом старое хиреет и не развивается»⁶⁸. Здесь Николай Яковлевич был прав, так как Наркомпрос, как и другие центральные органы власти и управления, был весьма озабочен постоянным ростом арифметических показателей, характеризующих его деятельность, т. е. формально-бюрократической стороной дела. Это была одна из «невинных» форм доказательства преимуществ нового установившегося в стране строя.

Есть основания полагать, что этот голос разума не был услышан властью имущими. В стране набирал темпы процесс всеохватывающей централизации, являвшейся одним из главных принципов тоталитарного режима. Соответственно множились функции государственного аппарата, укреплялась власть партийных и советских чиновников всех рангов. 12 февраля 1926 года Главным ученым советом Наркомпроса было утверждено новое «Положение о Центральном бюро краеведения РСФСР», пункт первый которого гласил: «ЦБК является органом Главнауки в ее работе в области краеведения»⁶⁹. Весной этого же года в «Еженедельнике Наркомпроса» было опубликовано еще и «Положение об областном бюро краеведения». Для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в ведомственной подчиненности краеведческого движения, в нем указывалось, что все региональные бюро также «состоят в ведении Главнауки»⁷⁰.

Разбросанные по градам и весям многочисленные краеведческие организации, по существу не имевшие бюджетного финансирования, не всегда признавали целесообразность жесткой подведомственности и необходимость регулярной подотчетности. Об этом свидетельствует годовой бюджет уездных краеведческих обществ Костромской губернии. За 1926 год он составил: в Нерехтском обществе — 100 руб., в Чухломском — 11 руб. 45 коп.; Буйское не получило ни гроша⁷¹.

Тем не менее, подобное положение нисколько не умаляло стремления самого Наркомпроса во что бы то ни стало окончательно подчинить себе краеведческое движение, превратив его в сугубо ведомственное явление. По инициативе Наркомпроса, 11 августа 1927 года СНК РСФСР приняло постановление «О порядке производства краеведческих работ на территории РСФСР»⁷². Само по себе название постановления говорило о многом, как

будто речь шла «о порядке» добычи и экспорта золота или других редких металлов. В первом пункте постановления указывалось: «Все специально краеведческие учреждения и организации на территории РСФСР, в чьем бы ведении они ни находились, должны быть переданы Народному комиссариату просвещения и в дальнейшем должны открываться только по линии Наркомпроса».

Этот нормативный акт вызвал неоднозначную оценку у специалистов и организаторов краеведения. Член ЦБК Н. Н. Павлов-Сильванский полагал, что постановление должно стать «краеугольным камнем» в деятельности краеведов, что оно является «признанием государственного значения краеведческой работы, придает ему твердую материальную базу, вводит планомерность и системность»⁷³. С подобной оценкой был «глубоко не согласен» другой член ЦБК — Б. Е. Райков. Он считал, что главным условием небывало широкого размаха краеведческого движения в стране была «величайшая потребность созидательных слоев населения к проявлению самостоятельной общественной инициативы»⁷⁴. Ученый призывал: «Признавайте сколько угодно за краеведной работой “государственное значение”, помогайте ей чем можно, но оставьте ей ее независимый добровольно-общественный характер». В заключение он делал лаконичный и вполне материалистический вывод: «На деле выходит: материальной помощи почти никакой, а по линии распоряжений — сколько угодно»⁷⁵. Несколько опережая ход событий, отметим, что пройдет всего два года, и за высказывание подобных взглядов ученых-краеведов будут арестовывать по обвинению в «аполитизации и децентрализации науки» и высылать «в места не столь отдаленные».

С середины 1920-х годов в стране набирал темпы процесс восстановления народного хозяйства и дальнейшего его развития. В связи с этим увеличивались масштабы исследовательских работ Академии наук, имевших научно-прикладное и практическое значение. Постоянно увеличивалось число научных экспедиций, организуемых Академией; ее ведущие научные сотрудники принимали участие в работе многих крупных региональных съездов по изучению производительных сил. Руководством Академии, в связи с масштабностью начатых работ, предпринимались попытки улучшить их организацию. Так, в январе 1926 года вице-президент Академии В. А. Стеклов направил председателю Госплана

СССР Г. М. Кржижановскому справку, в которой обосновывались принципы создания Постоянного бюро съездов по изучению производительных сил при Госплане⁷⁶. Позднее решением Общего собрания от 3 апреля 1926 года был организован Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР), председателем его был избран А. Е. Ферсман⁷⁷. Для нас интерес представляет тот факт, что ОКИСАР обратился ко всем краеведческим организациям с просьбой «сообщать ему сведения о своих начинаниях и работах в этой области... в целях познания производительных сил нашего необъятного Союза»⁷⁸. В отчете о деятельности ОКИСАР за 1926 год прямо указывалось, что Комитет «широко привлекает к участию в своих экспедициях местные молодые силы, из которых в будущем должен составиться кадр самостоятельных научных работников, а также стремится к созданию на местах культурных и научных центров в виде национальных научных библиотек и музеев, представляя последним дублиеты коллекций и материалов, собираемых экспедициями»⁷⁹.

В начале весны 1927 года ЦБК информировало краеведческие организации о том, что в этом году Академией наук СССР будет организовано 54 научных экспедиции, в том числе Амурская, Байкальская, Чувашская, в Среднюю Азию, в Закавказье и др. Бюро уведомляло местных ученых, что «подробные сведения, имеющиеся в распоряжении ЦБК, будут разосланы краеведческим организациям, соответственно району деятельности каждой экспедиции»⁸⁰. Так, об экспедиции по исследованию озерных месторождений сапропеля, проводимой КЕПС летом 1926 года на территории Ленинградской и Тверской губерний, были своевременно уведомлены 8 краеведческих организаций: Вышневолоцкое общество краеведов, Гдовский уездный музей, Лужский уездный музей, Осташковский кружок краеведения и др.⁸¹ Следовательно, местные ученые могли принять посильное участие в данной академической экспедиции.

Существенное влияние на развитие краеведческого движения оказало и вскоре последовавшее директивное оформление нового подхода государственной власти к науке и просвещению. На XIII Всероссийском съезде Советов, проходившем в апреле 1927 года, был обсужден доклад Наркомпроса, с которым выступил А. В. Луначарский. Съездом по докладу было отмечено, что

«общий уровень образования не соответствует задачам индустриализации», съезд одобрил решение правительства «о включении в общий план индустриализации страны также и плана развития народного просвещения»⁸².

Во исполнение данного постановления XIII съезда Советов Наркомпросом было направлено в исполкомы местных Советов циркулярное письмо, в котором предлагалось «проводить планомерное развитие сети краеведческих организаций путем создания фабричных, заводских и сельских краеведческих обществ, ячеек, музеев, библиотек». При этом признавалось необходимым «вовлечь их в разработку основных вопросов местного хозяйственного и культурного строительства»⁸³. Этот замечательный циркуляр был подписан заместителем наркома И. И. Ходоровским и начальником Главнауки Ф. Н. Петровым.

Возвращаясь к упоминаемому нами ранее письму академика Н. Я. Марра к председателю СНК А. И. Рыкову, можно констатировать, что Наркомпрос не только «не понял всей сущности краеведческого движения», но и не хотел этого понимать. (Правда, есть еще один вариант оценки: может быть, Наркомпрос не мог отстаивать свою более объективную точку зрения, находясь в жестких рамках идеологических установок тоталитарного режима.) Вообще, время является лучшим доказательством того, что в директивном порядке подобные вопросы общественного развития решить невозможно, как невозможны ни «индустриализация», ни «поднятая целина» в умах и сердцах миллионов людей.

Следует сказать, что всемерная централизация руководства краеведческим движением имела и некоторые свои положительные результаты. В частности, можно отметить полезную работу по повышению квалификации краеведческих кадров. Например, в системе Главнауки в 1925–1928 годах действовали Курсы переподготовки музейных работников, которые периодически устраивали циклы занятий. Например, подобный цикл проходил с 15 сентября по 18 ноября 1926 года. В этот раз на курсы были вызваны более 100 музейных работников не только из Центральной России, но и из дальних регионов. Были представлены сибирские города — Хабаровск, Чита, Иркутск, Омск; прибыли специалисты с Урала, из Крыма, с Кавказа, из ряда автономных республик — Татарской, Чувашской, Марийской, Коми. Подавляющее большинство командированных «являлись

активными работниками краеведческих обществ»⁸⁴. Программа курсов была очень насыщенной, с докладами выступали А. В. Луначарский, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, А. В. Чайнов, И. Э. Грабарь, И. М. Гревс и другие известные ученые. Всего в четырех циклах было прочитано 83 доклада по самой разнообразной тематике.

ЦБК также предпринимало попытки координации краеведческого движения в масштабе всей страны. Так, в январе 1927 года на места было разослано информационное письмо, подписанное академиком Н. Я. Марром, о создании при ЦБК Экскурсионно-справочного бюро. На него возлагались функции оказания помощи активистам краеведения, «желающим отправиться в путешествия, а также учреждениям, организующим экскурсии, в выборе маршрутов путешествий, указании интересных мест, книг для подготовки экскурсий и т. п.»⁸⁵ К письму прилагался образец запроса, с которым любой гражданин мог обратиться в ЦБК и бесплатно получить интересующую его информацию (кстати, и сам запрос можно было послать бесплатно, так как ЦБК сохраняло за собой прежний почтовый адрес — главное здание Академии наук: Ленинград, Университетская наб., 5).

Между тем в стране с большим размахом шла подготовка к празднованию 10-летнего юбилея Октябрьской революции. Во всех ведомствах подводились итоги, проходили торжественные мероприятия, выпускалась масса пропагандистской литературы, «наглядной агитации» и пр. Повсеместно отмечалась «кривая роста». Прежде всего, это было связано с определенными успехами «новой экономической политики», кроме того, достаточно интенсивное развитие страны обуславливалось еще и огромной потенциальной творческой энергией, которой в то время еще обладал наш народ.

Был зафиксирован и внушительный рост краеведческого движения в стране, вызванный тем, что в первые годы революции были на деле реализованы накопленные в течение веков энергия и стремление образованных слоев населения к проявлению самостоятельности и творческой инициативы. 16 августа 1927 года ЦБК была направлена в Академию наук специальная записка «Академия наук и краеведение», в которой подводились основные итоги развития этого движения за 10 послереволюционных лет. В документе отмечалось, что все это время главная роль

в руководстве ЦБК принадлежала академиком С. Ф. Ольденбургу, Н. Я. Марру, А. Е. Ферсману, и все последние годы деятельность краеведов проходила «в самой тесной связи с Академией наук»⁸⁶. В частности, отмечалось плодотворное сотрудничество с академическими комиссиями — КЕПС, КИПС, КУИНС, с академическими музеями, активное участие краеведов в экспедициях, организованных Академией. В записке подчеркивался тот факт, что именно «авторитет Академии во многом обеспечил рост числа краеведческих организаций». Приводились и конкретные данные: к этому времени на учете в ЦБК состояло 1 611 краеведческих организаций, в том числе 569 музеев. Назывались соответствующие данные и по дореволюционной России: 155 организаций и в их числе 94 музея⁸⁷.

Передовая статья восьмого номера «Известий ЦБК» за 1927 год также подводила итоги первого послереволюционного десятилетия. Цифры в основном совпадали с данными упомянутой выше записки. Правда, указывалось, что по состоянию на 1 сентября 1927 года в ЦБК состояло на учете 1 688 организаций⁸⁸ (видимо, приводились уточненные за последние месяцы перед юбилеем данные). Редакция журнала, подводя итоги, делала вывод, что масштабы краеведческого движения за годы Советской власти возросли в 10 раз⁸⁹.

«Арифметика» итогов, конечно, впечатляла, но нельзя забывать, что одновременно и параллельно с этим существовали и довольно грустные реалии. Дело в том, что общее положение с государственным финансированием краеведческих учреждений оставалось крайне сложным. Так, один из активистов движения, С. Кисловский, в начале октября 1927 года сообщал из Тверской губернии, что два интересных музея — Кашинский и Калязинский — ликвидируются, так как, снятые с государственного финансирования, «на местные средства» они приняты не были. На одном из заседаний ЦБК, проходившем в это же время, обсуждался доклад ученого секретаря бюро Д. О. Святского, прибывшего из командировок в Брянск, Кострому, Ярославль. В докладе говорилось, что снятие в этих городах музеев с госбюджета «вредно отразится и на работе краеведческих обществ»⁹⁰. В ноябре 1927 года С. Ф. Ольденбург направил начальнику Главнауки Ф. Н. Петрову письмо с просьбой «сделать все возможное для сохранения Государственного музея Центральной промышленной области», так как было принято решение о его ликвидации. Ученый подчеркивал, что он «считается образцовым музеем, на

примере которого краеведы могут учиться постановке музейного дела на местах»⁹¹.

К сожалению, возможности председателя ЦБК в этом деле были весьма ограничены. Он мог только просить у вышестоящих организаций поддержки в деле сохранения важных учреждений культуры. Можно привести еще один любопытный штрих: Сергей Федорович иногда оказывал помощь местным музеям из своих личных средств. Так, в мае 1927 года руководство Музея северных окрестностей Ленинграда, находившегося на Финско-Ладожском перешейке, выразило ему «глубокую благодарность за прочтение лекций и денежный дар, который решено обратить целиком на научную деятельность музея»⁹².

Финансирование краеведческих учреждений продолжало сокращаться. Постановлением Президиума ВЦИК от 16 июня 1928 года, в связи с составлением государственного бюджета на 1928–1929 годы еще целый ряд подобных организаций передавался с государственного в местный бюджет. При этом исполкомам местных Советов предлагалось самим изыскивать дополнительные источники «для компенсации расходов по содержанию передаваемых им учреждений»⁹³. Согласно этому постановлению, с государственного финансирования было сразу снято 42 учреждения и общества. Назовем некоторые из этого «черного списка»: общества — Архангельское, Иваново-Вознесенское, Костромское, Псковское, Тамбовское; музеи — Саратовский, Ульяновский областной (Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске был оставлен на финансировании). За несколько месяцев практически все краеведческие общества были сняты с финансирования по госбюджету. Причем переход на местный бюджет часто означал только одно — полное отсутствие какой-либо финансовой поддержки.

Продолжались существенные изменения и в руководстве краеведческим движением. Мы уже упоминали, что в декабре 1927 года председателем ЦБК был избран П. Г. Смидович; С. Ф. Ольденбург был избран только членом президиума ЦБК. С марта 1928 года академиком С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра и А. Е. Ферсмана вывели из состава редколлегии журнала «Известия ЦБК».

Правда, для С. Ф. Ольденбурга власти решили немного «подсластить пилюлю». На расширенном заседании ЦБК, проходившем 12 июня 1928 года в Московском политехническом музее,

с участием нескольких сотен активистов краеведения и под председательством П. Г. Сидовича, ему вместе с А. М. Горьким первым в стране было присвоено звание почетного краеведа. Оба общественных деятеля присутствовали на данном заседании, причем Алексей Максимович выступил с небольшой, но эмоциональной речью. Мы сочли возможным привести несколько фрагментов этого исторического выступления. Прежде всего, великий пролетарский писатель отдал дань своему новому увлечению — теме трудового перевоспитания людей, не выдержавших экзамен на социалистическую зрелость: «То, что я увидел в колонии ГПУ, это можно сделать только в такой стране невероятно дерзких и страшно талантливых людей — это черт знает какая нация!»⁹⁴ Не менее высокая оценка была дана оратором и достижениям советской культуры: «Я не знаю ни одной страны, где в области искусства — о театре и говорить нечего — и в литературе так много сделано, продвинуто, — это что-то фантастическое... Прекрасные люди живут в России, прекрасные люди вы!».

Отметим, что С. Ф. Ольденбург до конца своей жизни с честью оправдывал свое высокое звание почетного краеведа, делая все возможное для поддержки этого общественного движения. Так, в феврале 1933 года он обратился с письмом к главе правительства В. М. Молотову в связи с очередными финансовыми проблемами по изданию журнала «Советское краеведение». В то время уже имелась реальная угроза гибели этого издания. В ответном письме из Комиссии содействия ученым при СНК СССР сообщалось, что издание будет продолжено в объеме 5 печатных листов, при тираже 4 000 экз., «на все оставшиеся месяцы текущего года»⁹⁵.

Сегодня воспринимается почти как парадокс тот факт, что Наркомпрос не только не ослабил жесткости своего контроля и командования краеведческими организациями, по существу «снятыми со всех видов довольствия», но и всячески стремился усилить эти позиции. Это являлось, на наш взгляд, следствием общей тенденции всемерной централизации управления всей жизнью советского общества.

Весной 1929 года краеведческим организациям было разослано письмо ЦБК «О годовых отчетах краеведческих организаций». Документом определялся перечень «минимальных сведений», которые следовало включать в отчеты. Данный перечень состоял из

12 сложных позиций; например, позиция 5-я — «О связях с плановыми, административными, партийными, профсоюзными органами»⁹⁶.

В это же время коллегией Наркомпроса было принято постановление «Об изучении культурного профиля районов РСФСР». И в этом случае всем краеведческим организациям предписывалось принять самое активное участие в этом «изучении». Направлялся и соответствующий «перечень вопросов, подлежащих изучению». Перечень включал в себя 18 разделов, а в них, в свою очередь, содержалось 132 вопроса, на которые следовало дать ответ⁹⁷. Короче говоря, энтузиасты, проживавшие в городах и весях огромной страны, должны были на общественных началах провести всесторонний, профессиональный анализ положения дел в данной области общественной жизни и результаты проведенной работы в срок доложить Наркомпросу.

Одновременно с этим усиливались попытки политизировать и идеологизировать краеведческое движение. Так, в четвертом номере «Известий ЦБК» за 1929 год была опубликована статья главного редактора издания А. Ф. Вангенгейма «Краеведение и борьба за урожай». Автор считал необходимым «больше внимания краеведческих организаций уделять вопросам классовой политики в деревне при изучении как предпосылок, так и результатов повышения урожайности и при проведении в жизнь тех или иных мероприятий»⁹⁸.

В этом же плане наше внимание привлекла опубликованная этим же журналом статья А. Волягина «Краеведение и Союз безбожников». В начале ее автор посетовал на то, что «Союз воинствующих безбожников испытывает в данное время острую нужду в краеведческих исследованиях»⁹⁹. А далее в статье приводились конкретные примеры полезных, с точки зрения научного атеизма, краеведческих изысканий. Например, при исследовании краеведами «жития» святых, которым поклоняются северные крестьяне, «оказалось, что 99% святых было князей и бояр» (так в тексте. — В. С.). В другом случае краеведами «обнаружено, что в церкви времен Екатерины II на иконах власть святых были нарисованы любовники этой императрицы» (так в тексте. — В. С.). В заключение атеист отметил, что все это является «прекрасным антирелигиозным пособием». Сегодняшнего читателя не очень удивляет тот факт, что воинствующий безбожник А. Волягин был,

видимо, человеком не самой высокой культуры и образованности. Но удивляет то, как редакция журнала могла пропустить подобный опус в его первоизданном виде. Правда, ни академиков, ни ученых иного ранга в редколлегии к этому времени уже не было. Впрочем, и «Известия ЦБК», и журнал «Краеведение» доживали свои последние месяцы. С января 1930 года вместо них начал выходить новый журнал — «Советское краеведение». В первое время его редактором оставался А. Ф. Вангенгейм, а осенью 1930 года его сменил И. Г. Клабуновский.

Передовая статья первого номера «Новый этап в краеведении» твердо и однозначно формулировала главные цели нового издания: «Обращение краеведения лицом к социалистическому строительству, перестройка рядов краеведения для активного участия в социалистическом строительстве, замена старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата»¹⁰⁰.

Однако и «новый» этап в развитии краеведения все-таки не обошелся без академического руководства и участия. Правда, на сей раз координирующие и направляющие функции были возложены на Коммунистическую академию, в частности, перед ней была поставлена задача «укрепления идеологической выдержанности краеведения». Для этих целей в Комакадемии была создана Краеведческая секция, 11 февраля 1930 года президиумом Комакадемии было утверждено руководящее бюро секции под председательством П. Г. Смидовича, заместителем его был назначен Б. В. Максимов¹⁰¹. Позднее на базе этой секции было организовано Общество краеведов-марксистов Комакадемии, по существу взявшее в свои руки идеологическое руководство краеведением.

25 марта 1930 года состоялась IV Всероссийская краеведческая конференция, на которой был избран новый состав ЦБК в количестве 26 человек. Председателем вновь был избран П. Г. Смидович, а его заместителями — А. Ф. Вангенгейм, Б. В. Веселовский, И. Г. Клабуновский¹⁰². По выражению самого П. Г. Смидовича, конференция «наконец-то дала стройный план расстановки сил снизу и доверху». Действительно, по всей стране «снизу и доверху» шло широкомасштабное проведение сталинского террора против ученых, против интеллигенции. Главной целью этого террора было подавление любых проявлений критики волюнтаристской

политики во всех областях жизни советского общества. Не минула «чаша сия» и краеведение; ярким отражением нового этапа, в который ввергли краеведческое движение, стали страницы журнала «Советское краеведение».

Так, в своей статье один из руководителей краеведения, Н. Ф. Преображенский, настаивал на том, чтобы «всемерно усилить темпы и охват масс» с целью «теснейшей связи краеведческого движения с классовыми боями в связи с выкорчевыванием капиталистических элементов»¹⁰³. А вот пример более «глубокого» теоретического обоснования нового краеведения. Один из руководителей Главнауки, А. П. Пинкевич, в статье «Предмет советского краеведения» выступил с критикой положений, высказанных ранее другим теоретиком движения, бывшим членом ЦБК Н. Н. Павловым-Сильванским, в частности, против, казалось бы, бесспорного положения о том, что «краеведение должно сделать науку достоянием широких масс населения»¹⁰⁴. Видимо, взбодренный четкими идеологическими установками Комакадемии, А. П. Пинкевич поучал: «Мы можем признавать только ту общественность, которая исходит из интересов диктатуры пролетариата». И чтобы у читателей не оставалось никаких сомнений на этот счет, он делал окончательный вывод: «Общественность для нас не фетиш».

Маховик «обострения» классовой борьбы продолжал набирать обороты. Передовая статья первого номера «Советского краеведения» за 1932 год призывала уже «к борьбе с правыми и левыми оппортунистами, примиренчеством и гнилым либерализмом на краеведном фронте»¹⁰⁵ («фронты» к этому времени были открыты уже во всех отраслях науки, культуры и просвещения).

Новые руководители ЦБК и идеологи из Комакадемии совершенно серьезно и очень эмоционально требовали «теснейшей увязки краеведной работы с конкретными планами социалистического строительства каждого данного района, предприятия, совхоза, колхоза, при максимальном вовлечении в краеведную работу широких масс рабочих, колхозников, комсомольцев, пионеров»¹⁰⁶. По всей вероятности, новым организаторам и вдохновителям краеведения из Москвы (Софийская наб., 38), куда было переведено ЦБК, это общественное движение представлялось в виде марширующих мощных и стройных колонн рабочих, колхозников и пионеров.

У нас есть основания полагать, что директивные установки и пропагандистские призывы руководства краеведением в те годы по существу вели к его перерождению. В этом плане весьма показательным является письмо ЦБК, направленное летом 1930 года всем краеведческим организациям и учреждениям. Заголовок письма «О содействии экспорту» был не совсем понятен читателю. Но содержание его никаких сомнений не оставляло: «Одной из форм активного участия краеведческих организаций в социалистическом строительстве», оказывается, являлось «содействие экспорту научного материала»¹⁰⁷.

Краеведам предлагалось активно содействовать вывозу за границу «археологических, ботанических, зоологических, минералогических, этнографических и иных коллекций». Давалось разъяснение, что государственная структура Новозэкспорт обязуется 10% денег, вырученных от продажи отечественных памятников истории и культуры, возвращать «заготовителям» (так в письме и указано — «заготовителям») на приобретение оборудования и инструментов.

Авторы данного послания, а подписали его председатель ЦБК П. Г. Смидович и руководитель Новозэкспорта А. Цивин, были, видимо, убеждены, что тысячи энтузиастов-краеведов, годами в тяжелейших условиях собиравших и сберегавших музейные и архивные коллекции в интересах культуры и просвещения, с таким же энтузиазмом и вдохновением превратятся в «заготовителей» валюты, столь необходимой тоталитарному режиму, прежде всего, для всемерной милитаризации страны и укрепления аппарата власти.

Наш тезис о перерождении в начале 1930-х годов самой идеи краеведения подтверждает и тот факт, что бывший председатель ЦБК С. Ф. Ольденбург ранее неоднократно обращался в правительственные органы с просьбами «остановить широкую продажу за границу различных музейных ценностей»¹⁰⁸. При этом он резонно указывал, что «материальная польза, извлекаемая от продажи указанных объектов, весьма невелика, а теряется при этом величайшее культурное достояние страны». Тогда голос разума услышан не был, а после «года великого перелома» подобные проявления гражданского мужества просто тонули в нахлынувшем вале репрессий. Многих представителей российской интеллигенции, на деле подтвердивших свое согласие сотрудничать с Советской властью, постигли горькое разочарование и утрата веры в возможность

культурных преобразований на основе получивших полное господство порочных принципов. Начались аресты и судебные преследования целого ряда честных ученых-гуманитариев и ученых-краеведов.

На наш взгляд, совершенно не случайными являлись попытки органов ОГПУ «увязать», «объединить» различные политические процессы начала 30-х годов в единую мощную кампанию репрессий против интеллигенции. Сталинский тезис об обострении классовой борьбы, внедряемый в общественное сознание, готовил будущие этапы большого террора. Так, в ходе организации процессов «по делу трудовой крестьянской партии», по «академическому делу» умельцы из ОГПУ и их политические единомышленники в органах печати неоднократно делали попытки извлечь «полезный материал», который бы позволил обосновать массовые репрессии против ученых-краеведов.

Во время допросов по «академическому делу» следователем А. Р. Стромылиным ученого Н. П. Анциферова был предъявлен фальсифицированный протокол тайного заседания на частной квартире президиума ЦБК с изложением речей якобы выступавших на этом заседании С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана, Н. Я. Марра, И. М. Гревса, В. П. Семенова-Тян-Шанского, наконец, самого Н. П. Анциферова¹⁰⁹. Ученый твердо отказался признать подлинность этого «исторического источника».

Летом 1931 года в Иваново-Вознесенске местным отделением Общества историков-марксистов была выпущена брошюра «Против вредительства в краеведческой литературе». В ней были помещены несколько статей, авторы которых, призвав «усилить бдительность на краеведческом фронте», разоблачали буржуазную суть и вредительство в деятельности краеведов Владимира, Костромы, Переяславля, Рыбинска и др. Один из авторов, М. Зеленский, в статье, посвященной травле известного историка-краеведа М. И. Смирнова из Переяславля-Залесского, прозорливо усмотрел, что «М. И. Смирнов всюду протаскивал “традиционную” схему великодержавного шовинизма и религиозного мракобесия вслед за Любавским, Платоновым и др.». Далее «борец за идею» делал принципиальный вывод: «Как известно, Платонов, сколотивший в Академии наук монархическую группу, стоял за восстановление монархизма в СССР. Смирнов тоже “тоскует” по самодержавию»¹¹⁰. Брошюра получила высокую оценку в одном из номеров журнала «Советское краеведение», при

этом также подчеркивалось, что «разоблаченные буржуазные краеведы смыкались идеологически с группой Платонова–Букина–Веселовского и К»¹¹¹.

Титульный лист брошюры, изданной ОГИЗ РСФСР в 1931 году.

Осенью 1930 года был подвергнут травле известный историк-краевед М. И. Феноменов за свои работы о состоянии деревни. Ему, в частности, вменялось в вину, что в своей книге «Современная деревня» он «дошел до утверждения, что крестьянин вообще (не зажиточный, не кулак, а вообще! — В. С.) был против коллективизации». Ученого заставили публично каяться «в грехах». «Советское краеведение» опубликовало его статью, в которой он призывал

«переучиваться товарищей, которые учились по моим книгам»¹¹². Редакция журнала сурово резюмировала, что будет ждать «не на словах, а на деле присоединения к нашим классовым установкам». Но все это несколько позднее не помешало публицисту, скрывшему свое благородное имя под псевдонимом «В. Г.», в статье «За большевистскую бдительность в краеведении» отметить, что «в краеведческой литературе эсеровско-контрреволюционные взгляды группы Кондратьева–Громана–Чаянова нашли выражение в работах Феноменова по сельскому хозяйству»¹¹³.

Бессменный руководитель Костромского научного общества, член ЦБК при РАН первого состава В. И. Смирнов был уволен с работы и в сентябре 1930 года арестован. Более восьми месяцев провел Василий Иванович по разным тюрьмам, пока «шло следствие по его делу». Наконец, состоялось постановление Особой комиссии ОГПУ, и он «за аполитичность и децентрализацию науки» был выслан на 3 года в Архангельскую губернию. Некто Ц. Гальперин в статье с «ярким» названием «Краеведение или мракобесие?» утверждал, что «вся деятельность Костромского общества есть сплошное вредительство», а самого В. И. Смирнова образно называл «певцом кулацкой печали»¹¹⁴. Здесь мы можем только констатировать, что в деле развития и обогащения давней традиции человечества забивать праведников камнями Россия занимает явно не последнее место.

В заключение отметим, что в начале 30-х годов, в период упрочения тоталитарного режима в СССР, выразившегося, прежде всего, в утверждении культа личности Сталина, произошли глубинные бюрократизация и унификация всей общественной жизни. В этих условиях краеведческое движение подверглось разгрому, а его связи с академической и вузовской наукой — поношению. Многие краеведы были репрессированы, добровольные краеведческие общества заменены сугубо бюрократическими структурами. Вся краеведческая литература, выпущенная до 1930 года, подлежала тщательному пересмотру на предмет изъятия «политически вредных изданий»¹¹⁵.

Наступил долгий и мрачный период полного забвения краеведческого движения 1920-х годов. Изучение этого замечательного явления общественной жизни тех лет является долгом нынешних историков. Необходимы анализ и обобщение богатого

фактического материала по этой тематике, нашей истории и культуре надо возвращать забытые имена и результаты деятельности ученых-краеведов.

Примечания

1. *Шмидт С. О.* Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. М., 1990. Вып. 1. С. 11–27.
2. Известия Центрального бюро краеведения (далее — ЦБК). 1927. № 8. С. 266.
3. *Соболев В. С.* Уточним факты // Вестник Академии СССР. 1990. № 8. С. 147.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФАРАН). Ф. 1. Оп. 1 а-1918. Д. 165. § 168.
5. ПФАРАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1920. Д. 168. § 94.
6. Там же. § 127.
7. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 311–311 об.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 1-1921. Д. 169. § 156.
9. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1920. Д. 1. Л. 311–311 об.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 2. Д. 33. Л. 1 об.
11. Там же.
12. *Святский Д.* Первая Всероссийская конференция Научных обществ по изучению местного края // Наука и ее работники. 1922. № 2. С. 20.
13. ЦБК. Информационное сообщение // Краеведение. 1923. № 1. С. 46–47.
14. ПФАРАН. Ф. 1. Оп. 1 а-1922. Д. 170. § 21.
15. ЦБК. Информационное сообщение // Краеведение. 1923. № 1. С. 47.
16. ПФАРАН. Ф. 1. Оп. 1-1922. Д. 1. Л. 383.
17. Там же. Л. 498.
18. Там же. Л. 507.
19. От редакции // Краеведение. 1923. № 1. С. 1.
20. Там же. С. 3–5.
21. Положение о Центральном Бюро Краеведения при РАН // Краеведение. 1923. № 2. С. 209.
22. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1922. № 49. Ст. 622.
23. Известия ВЦИК. 1922. 12 авг.
24. Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел. 1923. 15 июня. № 12.
25. СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 794.
26. Там же. 1921. № 65. Ст. 492.

27. Известия ВЦИК. 1924. 21 фев.
28. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 25. Л. 24.
29. ЦБК. Информационное сообщение // Краеведение. 1923. № 1. С. 47.
30. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 1. Л. 342.
31. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-1924. Д. 173. § 268.
32. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 11. Л. 55.
33. Там же. Оп. 1-1926. Д. 15. Л. 11-12.
34. Там же. Л. 532.
35. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1970. Т. 3. С. 49.
36. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 53. Л. 5.
37. Там же. Д. 8. Л. 6-6 об.
38. Там же.
39. Там же. Л. 10.
40. От редакции // Известия ЦБК. 1925. № 1. С. 2.
41. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 260.
42. 200-летие Академии наук СССР // Известия ЦБК. 1925. № 3. С. 73.
43. Там же.
44. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 8. Л. 2-2 об.
45. Там же.
46. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 1. Л. 164.
47. Там же. Л. 164 об.
48. Краеведческие учреждения СССР. Л., 1925. С. 170.
49. Там же. С. 171.
50. ПФА РАН. Ф. 762. Оп. 1. Д. 178. Л. 3-4.
51. *Март Н. Я.* Краеведческая работа // Научный работник. 1925. Кн. 1. С. 10-18.
52. *Соболев В. С.* Охрана культурного наследия в Костромской губернии в первые годы Советской власти // Памятники Отечества. 1987. № 2. С. 53-54.
53. *Смирнов В. И.* Итоги 15-летней краеведческой работы в Костромском крае // Краеведение. 1927. № 3. С. 406.
54. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 261-261 об.
55. II областной краеведческий съезд в Архангельске // Краеведение. 1925. № 3-4. С. 302.
56. Там же. С. 303.
57. Информация о заседании ЦБК 17 апреля 1926 г. // Известия ЦБК. 1926. № 4. С. 139-140.
58. ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 2. Д. 78. Л. 1-2.
59. Там же. Л. 69.
60. Там же. Л. 71.
61. Там же. Ф. 2. Оп. 1-1925. Д. 2. Л. 42-42 об.
62. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а-Г925. Д. 174. § 54.

63. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 1. Л. 165.
64. Там же. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 268–269.
65. *Преображенский Н. Ф.* Роль и значение IV Всероссийской конференции по краеведению // Советское краеведение. 1930. № 1–2. С. 7.
66. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 179.
67. Информация о IV пленуме ЦБК // Известия ЦБК. 1926. № 1. С. 20.
68. ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. 34. Л. 163.
69. Положение о ЦБК РСФСР // Известия ЦБК. 1926. № 4. С. 103.
70. Положение об областном Бюро Краеведения // Известия ЦБК. № 5. С. 138.
71. *Смирнов В. И.* Краеведческая работа уездных и волостных организаций Костромского края // Известия ЦБК. 1927. № 2. С. 56.
72. СУ РСФСР. 1927. № 9. Ст. 68.
73. *Павлов-Сильванский Н. Н.* По поводу постановления СНК РСФСР // Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 273.
74. *Райков Б. Е.* Еще раз по поводу передачи Краеведческих организаций Наркомпросу // Известия ЦБК. № 9. С. 300–301.
75. Там же.
76. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 40–40 об.
77. Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 175. § 87.
78. От Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик // Известия ЦБК. 1926. № 8. С. 296.
79. Отчет о деятельности Академии СССР за 1926 г. Л., 1927. Ч. 1. С. 279–280.
80. Информационное сообщение // Известия ЦБК. 1927. № 3. С. 105.
81. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 254–254 об.
82. Съезды Советов в документах. М., 1968. Т. IV; ч. 1. С. 97–107.
83. Циркулярное обращение Наркомпроса к председателям исполкомов о содействии краеведческой работе // Известия ЦБК. 1927. № 9. С. 297–298.
84. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 68.
85. Там же. Л. 121.
86. Там же. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 86. Л. 47–47 об.
87. Там же. Л. 48–49.
88. От редакции. Краеведение за десять лет Советской власти // Известия ЦБК. 1927. № 8. С. 266.
89. Там же. С. 278.
90. Информация о заседании ЦБК 24 сентября 1927 г. // Известия ЦБК. 1927. № 9. С. 309.
91. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1927. Д. 1. Л. 56.
92. Там же. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 158.
93. Постановление Президиума ВЦИК XIII созыва от 16 июля 1928 г. // Известия ЦБК. 1928. № 8. С. 23–24.
94. Заседание Центрального бюро краеведения с участием М. Горького. 12 июня 1928 г. М., 1928. С. 31–32.

95. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 102. Л. 267.
96. *Муратов М. В.* О годовых отчетах краеведческих организаций // Известия ЦБК. 1929. № 3. С. 2-3.
97. Официальный отдел. Важное постановление // Известия ЦБК. 1929. №3. С. 29-32.
98. *Вангенгейм А. Ф.* Краеведение в борьбе за урожай // Известия ЦБК. 1929. № 4. С. 2.
99. *Волягин А. С.* Краеведение и союз безбожников // Известия ЦБК. 1929. № 7-8. С. 35.
100. Передовая статья. Новый этап в краеведении // Советское краеведение. 1930. № 1-2. С. 1.
101. *Карпыч В. Ф.* Ближайшие задачи Краеведческой секции Коммунистической академии // Советское краеведение. 1930. № 3-4. С. 3.
102. Там же. С. 36.
103. *Преображенский Н. Ф.* Роль и значение IV Всероссийской конференции по краеведению // Советское краеведение. 1930. № 1-2. С. 7.
104. *Пинкевич А. П.* Предмет советского краеведения // Советское краеведение. 1930. № 1-2. С. 14-15.
105. *Канчеев А.* За четкие установки в краеведении // Там же. 1932. № 1. С. 7.
106. Там же. С. 4.
107. Всем организациям. О содействии экспорту // Советское краеведение. 1930. № 7-8. С. 52-53.
108. *Соболев В. С.* Слово в защиту культуры // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 10. С. 116-117.
109. Академическое дело. 1929-1931. СПб., 1993. Вып. 1. С. XXXIX.
110. Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931. С. 23.
111. *В. Г.* За большевистскую бдительность в краеведении // Советское краеведение. 1932. № 1. С. 9.
112. *Феноменов М.* В порядке самокритики // Советское краеведение. 1930. № 11-12. С. 33-34.
113. *В. Г.* За большевистскую бдительность в краеведении // Советские архивы. 1932. № 1. С. 7.
114. Против вредительства в краеведческой литературе. С. 30, 37.
115. *Филимонов С. Б.* Краеведение и документальные памятники (1917-1929 гг.). М., 1989. С. 22.